

А небо – уже в снегу...
(2004)

Редактор-составитель электронной версии сборника Сергей Сычев

«А небо – уже в снегу...» – седьмой сборник стихов поэта Алексея Горобца из станицы Полтавской Краснодарского края.

Из аннотации к книге: «Поэзия Алексея Горобца не служит ничьим модным веяньям и являет то чувство меры и вкуса, без которых искусство существовать не может. «Гармония рождается из хаоса» – эту «мысль, взятую напрокат», поэт уточняет и развивает своим творчеством.

Читатель, безусловно, будет рад встрече с его новым – уже седьмым – поэтическим сборником, этой возможности вновь соприкоснуться с гармоничным и своеобразным миром поэзии Алексея Горобца.»

«В стихах Алексея Горобца нет надуманности, нет звона и веселья, нет красивой тоски. А есть простота и ясность, глубина чувств и доверие к читателю. Из обыденной жизни, из мелочей и деталей, из кусочков бытия складывается полнокровный вещный и духовный мир, и порою нам чудится, что вот ещё немного – и мы узнаем об этом мире решительно всё и ещё что-то, что-то неведомое, невыразимое... Сам ритм, отточенность выбранных слов, неожиданность метафор вызывают радость, ощущение щедрой доброты и гармонии, удивляют тем чувством меры и вкуса, без которых подлинного искусства быть не может.» *«Мир Алексея Горобца», Викентий ПУХОВ, член Союза писателей Москвы. (Из статьи в альманахе «Лебедь» № 368, 2004 г. – Бостон, США).*

Представленный вниманию читателей сборник стихов развивает избранную поэтом однажды и навсегда линию философской поэзии, в которой у Горобца глубина мысли сочетается с богатством образов, чувством меры, лиризмом и безупречной красотой слога. В его стихах «философскость» неизменно и всегда неожиданно возникает из того, что окружает поэта в обыденной повседневности – прохожие собаки ведут с ним разговор, степенно жалуясь на стылую погоду; дом, старая дорога, камыш, солнце над ним, ветер, мороз вдруг оживают у Горобца и начинают говорить о вечности, об истине, о сложной простоте бытия, о том, что делает человека Человеком в попытке своего осмысления. Поэзия позднего периода, в который написаны стихи данного сборника, отличается глубиной затрагиваемых тем и силой воздействия на читателя.

Алексей Борисович Горобец родился в 1936 году в Краснодаре. В 1960 году окончил Ленинградскую военно-медицинскую академию им. С.М.Кирова, служил в Ракетных войсках стратегического назначения. Автор десяти поэтических сборников, член Союза писателей России, публиковался в журналах «День и ночь», «Наш современник», «Континент», других периодических изданиях, лауреат литературной премии «Медицинской газеты». Стихи А.Горобца включены в антологию поэзии XXI века.

Памяти Тамары

* * *

Свой тайный свет, своя длина волны,
Помехи, фон...
Кто знает? Может статься,
Всё это – чтоб вернее затеряться
В глухой траве межзвёздной целины.

Светлы и праведны
Грехи земной весны!

Мне до тебя уже не достучаться...

Но в солнечных лучах,
В ветвях акаций,
В скрипичных снах ночных радиостанций –
О, как они ярки, протуберанцы

Твоей
Неугасающей волны...

* * *

Памяти Тамары

Пишу письмо – давно тебе пишу –
На кисее дождя, в линованной тетради
Трамвайных улиц, истинности ради
Все мелкие детали привожу.

Почтовый дилижанс куда-нибудь
Его свезёт. Мне адрес неизвестен.
Но лошадям овса, вознице – песен
И мудрости достанет на весь путь.

А впрочем, торопиться ни к чему,
Поскольку – зимний дождь,
И мостовая
Скользит, звенит, подковы обрывая
У лошадей почтовых,

И уму
Непостижима дикость расстоянья,
Что вдруг легло меж нами...
И стоянье
В очередях, где прошлогодний снег
Дают задаром (было бы желанье
Его спросить) – бессмысленно:
Он – снег.

Он знает срок, он снег,
Он изначально
Нам неподвластен –
Здесь, тем паче – там...
И по заросшим силовым полям
Петляя дилижанс, как будто впрямь
Он тягло и возница,
И в звучанье
Его рожка – сиротство бытия,

Где сам не зная, берегаю я

И мокрядь луж,
И кисею дождя.

2001

* * *

Как же слякотен первый снег!
Вот он падает вниз, на землю...
Я приемлю её, подъемлю,
Эту осень, одну для всех.

Эту тёплую дымь, пургу,
Я давно перед ней в долгу –
Возлюблю я её, смогу
В толчее быть, в бедламе, в гаме,

Где кружится грязь под ногами,
Ну, а небо – уже в снегу...

* * *

Ткнулись в пыль
Сердитых капель рыльца.
Замолчал и спрятался петух.
От ненастья торопясь укрыться,
Пробежал по ниточке паук.

Паутина, путаница слухов,
Всхлипов, разговоров, луж – и вдруг
Ахнул гром – и загремел, заухал
Ливень
И обрушился на луг.

И подспудно,
Смутно понимая,
Что означен, начат зимний путь,
Он сверкал, страдал у края мая,

Мокрыми руками обнимая
Высоту, которой не вернуть.

* * *

Мне нечего сказать себе, пожалуй.
В пустых вощинах мёду не сыскать.
Душа стара – седа, ни дать, ни взять:
Скрипучий стол, горбатая кровать,
И навсегда здесь поселилась жалость.

И что с того, что было нам постигнуть
Дано любовь, восторженность... Увы!
Самообман – лишь версия судьбы,
Где и найти, и потерять не стыдно.

И нас несёт земное бытие
Сквозь листопады, хляби там и ведро,
И тянет к нам заплаканные морды
Лесное и дворовое зверье.

И застыт свет подсолнечные стебли,
И солнечных идей крутая рать
Спешит опять судьбу переиграть...

И любим мы,
И тихо губим Землю,
Самих себя отчаявшись понять...

* * *

Безлистый дуб –
Как резкий иероглиф
На мутноватой желтизне заката.
Морозность рельс, вороны крики,
Окрик
Товарняка, летящего куда-то
В закаты,
По следам вчерашних листьев,
Пылающих, палящих над лесами,
Над голосами птиц, над полюсами,
Что на концах земной оси повисли
И крутят Землю, возвращая мысли
К исходным холодам,
Где дуб безлистый

Начертан на закатной желтизне,

Чтоб мир был полон
И понятен мне...

* * *

Уже сентябрь.
Набухшая калина
Докрашивает гроздь на весу.
Скользнёт едва заметно по лицу
Мгновенный дождь –
Бесцветный, паутинный,

Ударится сухой орех о жезь
Капота, вызывая вскрик сигнала,
И мало остаётся, очень мало
Всего, что пережить и перенести
Ещё мы в силах.

Летние дороги
Кончаются, и осени порог
Уже нас принял, но не уберёт
От стылости предзимнего простора,
Где ни любви,
Ни слов твоих, ни ссор и
Где нам вдвоём – ни тропок,
Ни дорог...

Уже сентябрь.
И скоро, очень скоро,
Как и всегда,
Как некогда,
Как встарь,

Ударит в белый колокол декабрь...

* * *

Уныние осенних отпусков,
Когда пусты сады и бродит суслик
В бутылках тёмных с горловиной узкой,
И на холстине зреет курага,
И время не торопится, пока
Мы не поймём,
Что свято место – пусто,
Что ближние дороги и пути
Успело листопадом замести
И размесить,
И унавозить густо.

И наша догорающая дружба
Уже сквозит прохладой,
И, шепча
О прошлом,
Ты глуха к моим речам,
Губам, рукам,

И не любовь, а служба
Давно привычному нас сводит по ночам,

Где тайна и спасительный расчёт
Свечи ночной,

И время вспять течёт.

* * *

Гармония рождается из хаоса.

Ну, мысль, положим, взята напрокат.
Однако внять ей надобны талант,
Сестра таланта краткость,
Ну, и брат –
Как некий, скажем, тормоз Вестингауза,

Как препинанье,
Твёрдый знак в конце,
Тот самый ерь, что мы подзагубили
И тащимся теперь в поту и мыле
Над тайным смыслом слов...

А на лице
Стихов твоих – заботы и смиренье,
И сонные дожди прикосновенья,
И мокрых фонарей ночное зренье,
И сполохов осенних озаренье,
И память о любви, и тишь –
Не тронь её...

И чайник на плите –
И вся гармония.

** *

Мы другие. И неча завидовать
Хитромудрым чужим чудесам.
Все свободы, красоты и виды вот
Эти там я вам даром отдам.

Мы – другие. Ну, где-то крива
Наша правда – но с нею нам просто...

Снег да снег...

И худа, и неброска
Всё скрипит на погосте берёзка,
Удивляясь тому, что жива.

* * *

Не можешь ты быть понят до конца.
И слава Богу. И совсем не надо.
Тебе и без того почти что рады
Вот эти – вдоль дороги – деревца.

И луч меж туч не отвернёт лица,
С тобою на бегу столкнувшись взглядом.
И гуси-лебеди – они, конечно, рядом,
Жуют себе крапиву у крыльца.

А над тобой – аркады, балюстрады,
Дворцы воздушные, там раздают награды,
Там блиц-турнир комет и плац-парады
Созвездий – скажем, Рыб или Тельца...

И все они – земного образца,
И тянутся, пророчат от лица
Судьбы –
И понимать их до конца
Не в силах ты, да это и не надо.

* * *

Жизнь движется.
Всему черёд, всё в меру.
К утру – дожди, закат-восход светил.
А позже, днём – отряхиванье крыл
Счастливых птиц,
Но не достанет сил
Сверкнувший мир опять принять на веру!

И гонит хлад и смрад, и палит серу
Лукавый Щур с хвостом и при рогах,
И где оно, любви ночное «ах!...»,
И листья на измученных кустах

Чуть-чуть – и не удержат атмосферу...

А этот гад всё гонит, гонит серу...

* * *

И помнятся нам засухи...
Но травный
Июль, что на заброшенных лугах
Безлюдье пережил и не зачах,
И выстоял с тобой почти на равных,

Июль,
Распятый хлябью и жарой,
Отвергнутый и вписанный по новой,
Он стал для нас погибелью,
Голгофой
Любви,
Вернув и боль её, и зной.

И, припадая к прошлому, мы знали,
Что краток, иллюзорен наш возврат,
Что путь назад
Печальней во сто крат
Дорог, где мы друг друга потеряли.

Но был июль!..
И мы себя распяли –

На травных тех, крапивных простынях

Земли родной,
Где счастлив только страх...

* * *

С грехом бранись,
А с грешником – мирись
И не зови ему небесной кары.
Печален мир!
И общий грех наш старый
Печален, как осенний жёлтый лист.

И нет нужды приумножать страданья
Дерев, сжигая листья –
И мосты,
Где берега, заснежено пусты,
Сведут нас снова,
И ни я, ни ты
Не минем той Любви – той беды! –
Где ни смиренья нам, ни покаянья...

И ревности свирепые пираньи
Простят нас, обглодав до чистоты.

* * *

Кричит кикимора. Агукает кукушка.
На плёсе веселится водяной.
Через забор собачка-потаскушка
Собачится вовсю, и пёс цепной
К ней тянется, рыдает сам не свой,
И про любовь агукает кукушка.

О, жрица земноводная – лягушка!
Вопи своё, и комарё в тоске
Пусть пляшет с водяным накоротке,
И глаукомно щурится избушка,
И стынет чайник,
И прикрыта вьюшка,
И отдыхает пахнувшая стружка,
И спит сверчок в углу на верстаке

И крадется с кувалдой в кулаке
По свежим стружкам
Тихий Буратино.

2002

* * *

Чуть-чуть любви,
Слегка тепла и света,
И вот они – осенние костры!

Листвы несметной путаная смета
Списала, разменяла бабье лето

На медь дождей,
На голый холод веток —

И ни прогляда нам,
И ни просвета,

Лишь травостоя жертвенный надрыв
Нас повторяет,
Веря до поры

В осенние дымучие костры...

2001

* * *

Бетон и ржавчину опор
Трава и мох прикроют синие,
И утекут электролинии
По огородам за бугор.

И, как затёртых два рубля,
Нам сберегут в похмельной этике
Магистры чёрной энергетики
Заначку в два ведра угля.

Труба печная, дым в поля!..

И тишь да гладь в родной державе!
И сам собою гаснет спор
О вечной стуже, вечной славе,
О трын-травы дремучем нраве...

И негасимом нашем праве

На этот нищенский костёр
Любви,
Что тлеет до сих пор...

2001

* * *

В близорукой,
Седой беспечности
Мы предвидеть никак не могли:
Астероид, осколок вечности,
Закрутился вокруг Земли.

И Земля вдруг сошла с орбиты,
И земное сошло с ума...

Мы, конечно, и жизнью биты,
И с судьбой далеко не квиты,
Но поверим – любовь сама
Расписала по траекториям
Звездопады, и что сума,
Что чума им теперь,
Что горе им,
Этим истовым, как зима,
Этим звёздным изгоям вечности,
Обречённым в холодной млечности,

Как и ты,
О любви лишь речь вести –

Без надежды
И без ума...

* * *

Куплю шалаш – недорого и срочно.
Продам – хоть на запчасти! – Мерседес.
Мы веруем во всё, что так непрочно...
А ты – грешна, светла и непорочна –
Всё чаще и всё злее смотришь в лес.

А жизнь легко играет мелочами,
Слюной и влагой застит нам глаза,
Чтоб мы, хватив любви, не различали,
Где стоп-сигнал, где газ, где тормоза.

И как-то невзначай да ненарочно,
Забыв асфальт, калеча Мерседес,
Я бьюсь о пни,
Я мыкаюсь окрест,

Чтобы найти
В твоём лесу чудес

Шалаш для нас –
Недорого и срочно...

* * *

Поверим в лучшее.
Возьмём да и поверим!
Как верит в тишину лесная чаща.
Как верит в борону больная пашня.
Как верит сам в себя твой день вчерашний.
Как старый трактор в травополье верит.

Поверим! –
И немереные будни
К медовым да кисельным берегам
Нас понесут, потащат, чтобы там
Мы голы-босы, прикрывая срам,
Тщету надежд обретши в полной мере,
Фанерой пролетели в стратосфере...

Поверим в лучшее.
Поверим – и забудем.

* * *

Как выстрадано практикой и опыт
Показывает – твой, да и всеобщий –
Довольствоваться лучше малым...
Впрочем,
Поторопись в любви своей – уж очень
Туманны дни, а ночи всё короче.

К полудню – оживленье, ропот, рокот
Оттаявших ручьёв, и гарь, угар,
Где старый путь Сухуми – Краснодар
Кружит – и ненадёжен, и неточен.

И смотрится асфальт совсем чужим,
И на дорожных знаках – многоточья,
И оступить ты неправомочен,
И за душой –

Всё та же хмарь и дым...

И будто день уже не для работы,
И будто ночь уже не для любви,
Последнюю надежду на исходы
Счастливые – иди, зови, лови...

* * *

О чём он помнит,
Что он знает,
Совсем свихнувшийся мороз!
Твой гололёд,
Твой лёд – и наледь! –
Закрыли о весне вопрос.

Но затаившаяся похоть
Ветров
Вдруг землю обнажит,
И будет преть,
Стонать и охать
Земля, и значит – будет жить.

И лето где-то сформирует
Птиц перехожих первый клин,
И оперит их
И обует,
И поведёт среди руин.

И образумит,
И охает
Весну, усталую от слёз,

В сугробах,
Там, где отдыхает
Упавший на спину мороз.

* * *

Какая высь!
Какой покой и воля!..
Не сдержит влаги обострённый глаз.
На траверзе своих подзвёздных трасс
Они уходят, окликаая нас,

И ты на миг,
На жалкий миг, не боле! –
Очнёшься,
Чтобы тихо возрыдать

Над тем,
Чего ты смолоду не понял,
Что в старости – уже и не понять...

* * *

В усадьбе, где вишнёвый сад
Раскинул розовые крылья,
Где сны, побасенки и были
Хранят истлевший свой наряд,

О, я всему, всему здесь рад!
Уже который век подряд
В усадьбе, где вишнёвый сад,
Брожу, не замечая пыли...

Как Фирс, которого забыли.

* * *

И всё затихло. Тучи улеглись.
Пригаснул ветер,
Дождь свернулся в морось,
И ломаных ветвей сухая хворость
Запуталась, упала, пала ниц.

Умчалась буря.
Спор любви с судьбой –
Он завершён, решён для нас с тобой:
Чертополох да подзаборье хрена,
Блистанье луж, валежник под ногой...
И эта морось и ночной покой
Души земной –

И суета вселенной.

* * *

Поверю снам, доверюсь музе я
И прогоню тоску взашей.
О, эта вечная иллюзия
Любви, уставшей от дождей!

Как льют дожди!..
И нам не верится,
Что есть им и предел, и срок,
Что для весны – пустяк, безделица
Весь этот вздыбленный поток.

Как льют дожди! –
Ретивы, пылки,
И ни узды им, ни вожжей...
И в страх вгоняют сторожей
Грозы трескучие ухмылки,

И бредят косы и косилки
Травой,
Заждавшейся ножей.

* * *

И всё-то нам по жизни не хватает,
Чего – давно и тихо не пойму.
Хватаешься за строчку – исчезает
Опора слов,
За слово – слово тает
И что-то тайное своё нам оставляет
В закатном, синем, облачном дыму.

И мы, теряясь, то горим, то стынем
В вечерней мгле – и тихо дорожим
Вот этим счастьем – облачным и синим,
Случайным, вроде бы,
И оттого – большим...

* * *

Мороз пригас, приглох, но грязь достала.
И от грачей ни радости, ни проку.
Зима ушла поспешно и до срока:
Не стало снега – и зимы не стало.

И влажное, вспотевшее светило,
Набросив кисею слепых дождей
На лица, руки, голоса людей,
Для нас с тобой зимы не отменило.

И хвойных чащ лесное забытьё
Плывёт смолой, теплом – а нам морозно,
И розно, и несправедно, и слёзно...

И, вечные, уходят в небо сосны,
Прощая нам и правду, и враньё...

* * *

Не суетливым быть, а деловым
Житейская нас мудрость призывает.

О, этот мир проснулся и зевает,
И квохчет кочет, и фырчит и лает
Дворовый пёс, и неосуществим
Твой стон насчёт свободы и покоя.

День тронулся – просторно и легко, и
Ему твои печали ни к чему.
И всё, что достаётся одному
Ему – оно вполне твоё по праву:
И хмель в саду, кудряво-кучерявый,
И старого платана ствол корявый,
И плесень в неухоженном дому –

Где, нищие, мы честно, деловито,
Пока ещё свобода не забыта,
Осуществляли некий тайный план.
Мы так старались, что рыдал диван,

И щерилось разбитое корыто,
И в будущее дверь была открыта,
И утренней зари вино разлито,

И жаждал губ
Полупустой стакан...

* * *

Кто торопится жить в добродетели –
Дай-то Бог! – никогда не умрёт...

Эти хвои, секвойи – свидетели
Дней ли наших,
Эпох ли, столетий ли,
Эти сосны там – старцы ли, дети ли,
Небо всех нас в одно соберёт,

И объявит нам нечто о времени,
Где теперь – ни потерь, ни разлук,
Где всё так же уходят на юг
Наши пращурьы –
Когтем и теменем
Прикрывая воскрылых подруг.

И чем дальше, тем ярче и шире
Означается тихий излом

В нашем мире – в изменчивом мире –
Страшноватом,
Счастливом,
Большом.

* * *

О-о, зима-а-а... - сказал мне незнакомый
Озябший пёс, зевая у ворот.

В природе что-то сдвинулось,
И кроме
Снегов шальных,
Смятением влекомый
Вернулся этот стон, душе знакомый –
Как будто дел опять невпроворот,
Как будто снова и зима, и стужи,
И поздняя любовь в преддверии весны,
Как будто ты опять
И зван, и где-то нужен,

И беды впереди
Не определены...

* * *

Поститься,
Молиться истово,
Лопатить залежи книг,
Глядишь – и постигнешь истину.
Я её не постиг.

Ну как мне понять,
Принять её,
Когда расшибают лбы,
Железные сжав объятия,
Друг другу чужды,
Понятия
Случайности и Судьбы...

И в срок свой, по расписанию,
Без всякой твоей вины,
Охлынут и ливни ранние,
И мятой травы стенания,
И смелые сны весны...

И ты остаёшься в мире, как
Иссякнувший суховей,
Как всхлип в тишине аллея,

И ближе и всё милей
Душе твоей горькая лирика
Полыни
И пыль полей.

* * *

Тесен мир и просторен –
Вздорен
Этот вывод лишь наяву.
А во сне он вполне бесспорен,
Если вникнуть – не в суть,
Но в корень...

Словно в поезде я живу.

Словно в тесном купе,
А окна
Распахнули глаза вовне.

И дожди моросят –
И мокнут
Отраженья твои в окне.

И летят, и сквозят просторы
В хлябь небесную – мчат, бегут,
Завершая земные споры
Хриплым кашлем своих простуд.

И уже ни тебя, ни речи
О тебе,
И в тоске, наугад,
И бедой, и любовью мечен,
Ты срываешь стоп-кран, калеча
Тормоза...

И о нашей встрече
Поезда
До сих пор
Кричат.

* * *

Падает на землю суховой.
Обрывает листья, тащит юзом.
От жары взрываются арбузы
И репей
Прилипчивей и злей.

А судьба –
Уже почти обуза.
А любовь –
Всё мельче и больней...

А за нами –
Пыли серый шлейф
Обрывает с прошлым
Наши узы.

1999

* * *

Где не хватает силы поразмыслить,
Отдайся случаю – авось, не подведёт.
От пристани отчаль – и отнесёт
В туманы вод,
И потеряешь пристань,
И бакены, и берег, и маяк,
Чей долг и назначенье – выручать нас,
Хотя ты для него всего лишь частность,
И он тебе значенья – это так! –
Ни придаёт нисколько.

Уносимый
И брошенный неведомо куда,
Ты, в общем, оставляешь навсегда
И пепел, и огонь свой негасимый,
И берега, что в дымке залегли.

И там, за горизонтами, за краем
На трёх китах дрейфующей Земли,
В конце концов мы всё-таки узнаем,
Куда нас эти чуда завезли.
И выясним – случайна ли случайность,
Тверда ли и устойчива твердынь,
И в чём она, светил необычайность,
И чем чревата утренняя стынь.

Но это – там.
А здесь – мы здесь готовы
Молиться травам, что клонятся вниз,
И ловим жёлто-красный лист кленовый,
Где на ветру – застенчивое шоу
Русалок поздних,
И дождём рисован
Берёз багряный медленный стриптиз...

* * *

...И никогда не устоять на месте!
Иди вперёд или сползай назад.
Таков сюжет, увы – таков расклад,
Живи хоть сто, хоть полновесных двести.

И растекаясь по стеклу водой
Дождя или растаявшего снега,
Не прекращай погони, рыси, бега
За мыслью там, за строчкой налитой,

За вроде бы живительной идеей,
Понятной, может, снегу и воде
В стекле оконном, чтобы разглядев
Размытый горизонт – теплей, светлее

Выказывалась осень ли, весна ль...
И ладно, Бог с ним, что в окне февраль
И в лужах снег, и грязь на тротуарах!
О хворях позабыв и об ударах,
Не видя луж, угадывая даль,
(А там опять зацвёл в снегах миндаль!).

Шагай, плыви в своих штиблетах –
Старых

И старомодных, как твоя печаль...

* * *

Всё чаще нам снятся дремучие травы,
Дремотные чащи.
Всё чаще корявый,
Измотанный ветром приземистый лес
Под окнами бродит.
И манна небес
Касается губ первоснежной прохладой!

И с памятью той никакого нет сладу:

Тревожит, треножит, среди бед и забот –

Как будто поможет,
Как будто спасёт...

2000

* * *

Дурные соки в травах колобродят.
Кричит сова, отпугивая тишь.
Летучая летает в небемышь,
И жрут потраву мыши в огороде.

Что движет временем?
Куда оно уходит?
Особенно, к примеру, по ночам?
Кто этим хороводом хороводит
И тянет руку,
И часы заводит,
Молчит и ждёт?..

И я бы помолчал.

Но жрут потраву мыши в огороде,
И время всё безжалостней уходит,
И бестолковы совы по ночам.

1999

* * *

Дом постарел.
Он по ночам трещит.
Пугают эти шорохи и трески.
А ночь глуха.
Но аргументы вески:
Чердак простыл, балясина болит...

Он, как и ты, не спит,
Всё бродит где-то,
Всё больше там, где не было и нету
Ни радости, ни счастья,
Где заря
И зарево почти неотличимы,
Где разум трудно сопрягать с умом
И горе остаётся меньшим злом,
Поскольку иногда проходит мимо,
Не узнаёт, и лишь необходимо
Чуть упредить замах его руки...

И немощность сжимает кулаки,

И тычут пальцем в небо ветряки,
Приткнув к земле обтрёпанные крылья,
По большей части – траченные зря...

И пухом нам
Родимая земля.

* * *

Ты оглянись вперёд,
Устань смотреть назад.
Устань крутить кино о непрошедшем бывшем.
Там до сих пор кипит вендетта, газават
Любовей и надежд – несбывшихся, небывших.

Там чуть живой прибой
Припал к остаткам скал
И бьётся головой, моля о снисхожденье,
И высохшей реки пустое нисхожденье
Сменяют оползней ухмылка и оскал.

Устань смотреть назад.
Теперь тебе вздохнуть,
Чуть переждать, пока осядет муть вся,
Вперёд неторопливо оглянуться
И удивиться – он всё тот же, путь!..

И никого ему не обмануть,
И самому никак не обмануться...

* * *

К старости
Время летит всё быстрее и быстрее.
Скушное чувство!
И как-то не сразу поймёшь:
Тянет тебя и клонит,
Возвращает к земле – и
Кажется – всё,
Не найдёшь, не вернёшь – пропадёшь!

И не вернёшь, ведь!

Ни сил, ни любви, ни печали
Первых потерь,
Первых ссадин в душе, синяков...
Как же легко ты себя позабыл –
И отчалил,
И отвалил
От далёких теперь берегов!

Юные липы твои
Перестарелись и задубели.
Не пережили своих ожиданий дубы.
Всё возлагалось – как есть! –
На «авось» да «кабы»,
Да кабы знать, сколь мятежны
Метельные в рощах постели...

Время летит,
Неуступчиво, зло, нетерпимо,
Нам оставляя лишь крохи,
Ну, что там – додумать, дожить...

И непонятное чьё-то,
Почти что беззвучное имя, –
Полузабытое,
Душу
Всё точит,
Мозжит...

* * *

Трудяга-дождь...
Уныло и устало
Шуршит его сырое помело.
Ушло, устало лето, перестало
Тебя любить, и да не будет мало
Тебе тепла и места, где светло!..

Не жадничай, не злись –
И жизнь добавит
Ещё чуть-чуть нам, зная наперёд,
Что и остынет где-то,
И устанет
Судьбе твоей перечить,
И достанет

Последний свой пятак,
И не обманет –

За всё воздаст,
Ничем не обойдёт.

* * *

Тропа, терновник, тернии и тени.
Дорога ввысь – невероятность и обман.
Скрывая намеренья, застит зренье
Полуслепой и путаный туман.

Забыв потери, веря в обретенья,
Лови его пустые миражи.
Шуршат листвою в терновнике ежи,
И ни уменья нам, ни разуменья
Понять вдруг, как щемящее хороши
Тревоги все и горести души,
Пока она с тобой...

Шуршат ежи
В иссохнувшей листве,
И дуновенье
Рассветной высоты,
И ветер свеж...

И полон утра, ветра и надежд,
Твой новый век
Продолжит восхождение...

И жаждет, ждёт земного воплощенья
Душа,
Что рядом, около и меж.

* * *

Живи, не споря с веком и людьми.

Меняются суждения и моды,
Стареют этносы, спиваются народы,
И на ветрах разнузданной свободы
Ты всё-таки помысли и возьми:

Не всякие дела твои – деянья,
Не всяко лыко – во строку привет,
И не во благо ложь, пусть даже нет
Совсем надежд,
И спятил белый свет,
И сам себя назначил на закланье...

И не ветшают наши заклинанья

Из прежних лет,
Из давних прежних лет...

* * *

Забыть и не вспомнить,
Что было единственным знать:
Сомненья дождей и тревоги травы
Неразумны.
Безумны цветы по ночам,
А дубы – многодумны
И, вросшие в вечность,
Не сдвинут себя ни на пядь.

Скупой разговор между кроной и падшей листвою.
Глухой разговор между небом и павшей водою.
И был он тобой, и остался тобой и с тобою –
Тот жёлудь в подзоле, тот выживший в зиму подвой.

И что нам страдать
О погибнувших тысячелетьях,
О гиблой и гибельной
В долготерпенье зиме...
Желаньям оставим предлоги,
Любви – междометья,
Тоске – тишину
И последнее слово –
Тебе.

* * *

К теплу, на юг ушёл косяк
Осенних поздних птиц.
Их поднял ввысь гусак-мастак,
Вожак, знаток границ.

И вот внизу и плёс, и лес,
И ты чужой, ничей.
И лишь камыш
Талдычит текст
Ночных твоих речей.

И жёлтой прелью болен лес,
И желчны сны дубрав,
И страх, и стресс,
И тьмы прогресс,
И, отказавшись наотрез
От сумрачных своих небес
Любви,
Ты был неправ...

А ветер, старый мракобес,
Уже унёс, разнёс твой текст,
Всё честно переврав.

* * *

И ни печали несть, ни воздыхания
На этих отрешённых берегах!..

Заржавленный отряхивая прах,
Швартовы мрака рвёт «Луизитания»,
Вздымаясь из пучины –

И в мирах,
Где паруса воздушных каравелл
Упруги и чисты, и ветер смел,
И ветрен, смел, и значит, счастлив ты,

И никакой не может быть беды –
Когда б да если бы!..

Где так близки следы
Твоих надежд,
Где память – жаркой тенью...

Где сослагательное наше наклоненье
Спасает
От душевной пустоты.

* * *

Последних трав зелёное пижонство.
Перерасход осенней желтизны.
И звёздное ночное многожёнство
Степных небес в отсутствие луны.

Скупое незатейливое время.
Волненье одиноких холодов,
Когда ты остаёшься с ними –
С теми,
Кто угасить и выстудить здоров

Пыльцовый рай прибрежной чемерицы
И тёплый сумрак присмиривших рек,
И гарь сухих лугов, где не резвиться
Уже стрижам, где замедляет бег

Любви твоей зима,
Чтобы обрушить
Нас в снегопады, в ранний снег, во зло
Позёмок, вьюг, где нам почти везло,

Где вечность льдов,
Ветров шальные души,
Безмерность стужи –

И твоё тепло...

* * *

Ничто вокруг не терпит пустоты.
В самом ничто –
Не так-то уж и пусто.
Незримо, неприметливо и грустно,
Совсем не ты, но, в общем, всё же – ты,
Там существуешь,

И, твердя урок,
Что извлечён из пережитой жизни,
На собственной, пожалуй, даже тризне
Ты вытеплишь свой слабый уголёк.

И то, что есть ничто, нас в никуда,
В куда-нибудь нас уведёт, в куда-то,
Где расщеплён и обескрылен атом
И выцвела сухая лебеда.

И вязаны высокой простотой,
И перед общим небом одиноки,
Мы только на земные наши сроки
Всего-то и расстанемся с тобой.

Уйдя в дожди, в туманы лебеды...

И небо нам
Отпустит доброты...

* * *

Тепло золы сгоревшего костра...

Звезды угасшей, сгибшей, убиенной,
(Теперь там мрак, там чёрная дыра.
А он себе летит, как и вчера)
Негромкий свет
Звезды на дне вселенной.

Он всё сберёг –
Тепло золы, земли,
Любви все, потери и разлуки...
И холодов стремительные руки
Меня осенним счастьем обожгли.

И будет просыпаться до утра
Сырой рассвет,
А на краю вселенной
Он всё в пути –
Твой вечный, твой нетленный,

Твой малый свет
Сгоревшего костра...

* * *

Зацепиться за слово, движение, случайную мысль,
За случайный клочок, отдождившей, иссякнувшей тучи,
Но остаться с тобой, рядом с небом, простудами, близь
Этих серых рассветов, Бог знает, куда нас несущих.

Засмотреться на ветер, на мокрое утро, на тень
Потерявших себя белых птиц у подножья прибоя.
Как случиться смогла эта синяя сень, эта звень
Непокоя воды и небес неземного покоя!

Нам довольно удалось – и упасть, и друг друга найти
В сенокосье лугов, где звенят свиристелей цевницы,
Где забыть – и не слушать,
Не слышать, как время стучится
И потерянным птицам стремится на помощь прийти...

Чтоб случилось,
Сбылось,
Всё, что с нами не может случиться...

2002

* * *

Люблю грозу в начале мая – вот он,
Твой вешний мир: акации, асфальт,
Разлапистая оторопь катальп,
Бесстрашных тополей громоотводы,
И ливень
С градом, ошалелым в дым,
По тротуарам лупит голубым!

Люблю ненастье –
Мокрый зонт на счастье
И бормотуху торопливых струй.
Ты душу-то замшелую разуй,
Ослабони от хомутов да сбруй...
А если не воздать ей всё сейчас, то
Изветрится акаций белый смог,
Раскиснет чернозём степных дорог –

И ты опять
Найти себя не смог,

Меж вёдром выбирая и ненастьем...

Где хлябь и хлипь,
И неземные страсти
Ужей в саду,
И въедливое «Здрастье!»
Твоих размокших,
Стоптанных сапог...

* * *

Всё проходит. И это пройдёт –
Рёвы, рокоты, выхлопы, рыки,
Толчя и толкучие рынки,
И визгливый трамвай на Дубинке,
Устремлено ползущий вперёд.

Всё проходит. Я тоже пройду.
Я сойду, оторвусь от подножки,
И завихрится пыль по обложке
Там, на полке, в последнем ряду.

И остынут руины-слова,
И зальют их дождей послесловья...

И займётся трудом и любовью,
Прорастая сквозь камни трава.